Тевье-молочник

Автор:
Шолом-Алейхем Шолом-Алейхем

Тевье-молочник

Шолом-Алейхем

Серия монологов, объединенная в книге «Тевье-молочник», писалась Шолом-Алейхемом и печаталась в периодической печати в течение двадцати лет 1894–1914 годы.

Шолом Алейхем

Тевье-молочник

«Аз недостойный»

(Письмо Тевье-молочника к автору)

Моему любимому и дорогому другу, реб Шолом-Алейхему, – дай бог здоровья и достатка вам с женой и детьми! Да сопутствуют вам радость и утеха всюду и везде, куда бы вы ни обратили стопы свои, – вовеки аминь!

«Аз недостойный», – должен сказать я, выражаясь словами праотца нашего Иакова, с которыми он обратился к господу богу, собираясь в поход против Исава… Но, может быть, это не так уж к месту, – не взыщите, пожалуйста: человек я простой, вы, конечно, знаете больше моего, – что и говорить! Живешь,

прости господи, в деревне, грубеешь, некогда ни в книгу заглянуть, ни главу из священного писания повторить… Счастье еще, что летом, когда в Бойберик на дачи съезжаются егупецкие богачи, можно кой-когда встретиться с просвещенным человеком, услышать умное слово. Поверьте, вспоминать о тех днях, когда вы жили неподалеку от меня в лесу и выслушивали мои глупые россказни, мне дороже какого угодно заработка! Не знаю, чем я заслужил, что вы возитесь с таким маленьким человечком, как я, пишете мне письма да еще собираетесь выставить мое имя в книге, преподнести меня как лакомое блюдо, точно бы я был невесть кто! Не должен ли я воскликнуть: «Аз недостойный!..» Правда, я вам поистине преданный друг, дай мне бог хотя бы сотую долю того, что я желаю вам! Вы, я думаю, и сами могли видеть, как я старался ради вас еще в те добрые времена, когда вы снимали большую дачу, – помните? Не купил ли я вам за полсотни корову, какую и по дешевке за пятьдесят пять рублей не купишь. А что она на третий день околела, так я же не виноват! Ведь вот вторая корова, которую я для вас купил, тоже подохла!.. Вы сами отлично знаете, как это меня огорчило, я прямо-таки голову тогда потерял! Я ли не старался доставлять вам все, что ни есть лучшего, да поможет так бог мне и вам в наступающем Новом году, чтобы было у вас, как в молитве сказано: «Обнови дни наши, яко встарь…» А мне да поможет господь в моем деле! Чтобы и я и лошаденка моя были здоровы, чтобы коровы давали много молока, дабы я и впредь мог служить вам верой и правдой и доставлять сыр и масло вам и егупецким богачам, пошли им бог удачи в делах и всего наилучшего. А что касается вашего труда и почета, который вы мне оказываете своей книгой, то я еще раз повторяю: «Аз недостойный!» Не много ли чести для меня, чтобы весь мир вдруг узнал, что по ту сторону Бойберика, недалеко от Анатовки, живет человек по имени Тевье-молочник? Однако вы, надо полагать, знаете, что делаете, учить вас уму-разуму мне не приходится; как писать, вам виднее, а во всем остальном целиком полагаюсь на ваш благородный характер: уж вы, я надеюсь, постараетесь там в Егупце, чтобы мне от этой книжки кое-что перепало. Сейчас это, знаете ли, было бы очень кстати: я собираюсь вскоре начать подумывать о свадьбе – дочь надо замуж выдать. А если господь, как вы говорите, дарует жизнь, то, пожалуй, и двух сразу… А пока будьте здоровы и всегда счастливы, как желает вам от всего сердца ваш лучший друг

Тевье.

Да! Главное забыл! Когда книжка будет готова и вы вздумаете выслать мне немного денег, будьте добры отправить их в Анатовку на имя тамошнего резника. У меня зимой два поминальных дня: один осенью, незадолго

до Покрова, а другой поближе к Новому году, – так что эти дни я провожу в городе. А просто письма можете посылать прямо в Бойберик на мое имя. Пишите так: «Передать господину Тевлу, молочного еврей».

1895

Счастье привалило!

«Из праха подъемлет он нищего, из тлена – убогого…»

Псалтырь

Знаете, пане Шолом-Алейхем, уж коль суждено счастье, оно само в дом приходит! Как это говорится: «Если повезет, так на рысях!» И не надо при этом ни ума, ни умения. А ежели, упаси господи, наоборот, – так уж тут говори не говори, хоть разорвись, – поможет, как прошлогодний снег! Как в поговорке: «Сладу нет с худым конем – ни умом, ни кнутом!» Человек трудится, надрывается, хоть ложись, – прости господи! – да помирай! И вдруг – не знаешь, отчего и почему, – удача прет со всех сторон… «Облегчение и спасение да приидут на иудеев!» Растолковывать вам эти слова нужды нет, но смысл их такой: покуда душа в теле, покуда хоть одна жилка еще бьется, нельзя терять надежды. Я знаю это по себе. И в самом деле, какими судьбами пришел я к теперешнему моему промыслу? Ни бабка моя, ни прабабка никогда молочным не торговали. Нет, право же, вам стоит выслушать эту историю от начала до конца, Я присяду на минутку вот здесь, возле вас, на травке, а лошадка тем временем пускай пожует. Как говорится: «Душа всего живущего» – тоже ведь божья тварь.

Словом, было это около пятидесятницы[1 - Пятидесятница – еврейский религиозный праздник – пятидесятый день со второго дня Пасхи.], то есть, чтобы не соврать, – за неделю или за две до пятидесятницы… А впрочем, может быть, и неделю-другую после пятидесятницы. Не забывайте, что делу этому уже как-никак не первый год, то есть ровно девять лет, если не все десять, а может

быть, еще и с хвостиком.

Был я тогда совсем не тот, что сейчас, то есть, конечно, тот же Тевье, а все же не тот, как говорится: та же бабка, да повойник другой. Почему, спросите вы? Очень просто: был я тогда, не про вас будь сказано, гол как сокол, нищий… Хотя, с другой стороны, если говорить начистоту, я и сейчас еще не богач. Мы можем с вами вместе пожелать себе заработать нынешним летом столько, сколько мне не хватает до состояния Бродского… Но в сравнении с тем, что было, я сейчас, можно сказать, – богач: у меня своя лошаденка с повозкой, у меня, не сглазить бы, пара дойных коровок и еще одна стельная, вот-вот должна отелиться. Грех жаловаться: каждый день у меня свежее молоко, масло, сыр, сметана – и все своим трудом добыто, потому что работаем мы всей семьей, никто без дела не сидит. Жена доит коров, дочери разносят крынки, сбивают масло, а сам я, как видите, что ни утро, езжу на базар, обхожу в Бойберике все дачи, встречаюсь с тем, с другим, с самыми богатыми людьми из Егупца… Поговоришь с человеком, – начинаешь чувствовать, что и сам ты как-никак человек на белом свете, как говорится, не кляча колченогая… А уж в субботу – и говорить нечего! В субботу я – король: заглядываю в книгу, просматриваю главу из Пятикнижия, почитываю «Поучение отцов», псалом – то да се, пятое-десятое… Смотрите вы на меня, пане Шолом-Алейхем, а про себя небось думаете: «Э-ге, а ведь этот Тевье не так уж прост!..»

Словом, о чем же я начал рассказывать? Да… был я тогда, стало быть, с божьей помощью, горемычный бедняк, помирал с голоду вместе с женой, и детьми трижды в день, не считая ужина. Трудился, как вол, возил бревна из лесу на вокзал, полный воз, бывало, везу – чего тут стесняться? – за два пятиалтынных, да и то не каждый день… И вот на такие заработки изволь прокормить полон дом едоков, не сглазить бы, да еще содержать конягу, которой и вовсе дела нет до всякого рода толкований и изречений: корми ее каждый день без отговорок, и дело с концом!

Однако на то и бог! Ведь он, как говорится, «всех кормящий и насыщающий», – разумно миром управляет… Видит он, как я из-за куска хлеба бьюсь, и говорит: «Ты небось думаешь, Тевье, что все уже кончено, светопреставление, небо на землю валится? Ну и глуп же ты, Тевье, ой как глуп! Вот увидишь, счастье, если богу будет угодно, повернется этак налево кругом, – и сразу во всех уголках светло станет!» Выходит, как в молитве сказано: «Кто будет вознесен, а кто – низвергнут», – кто ездит, а кто пешком плетется. Главное упование! Надо жить надеждой, только надеждой! А ежели до поры до времени приходится

горе мыкать, так на то же мы и евреи на белом свете, как говорится, избранный народ… Недаром нам весь мир завидует… К чему я это говорю? Да к тому, что и меня господь бог не оставил своей милостью… Вы только послушайте, какие чудеса на свете бывают.

Однажды летом, в предвечернюю пору, еду я лесом, возвращаюсь порожняком. Голову повесил, на душе кошки скребут. Лошаденка едва ноги волочит, хоть ты ее режь…

– Ползи, – говорю я, – несчастная! Пропадай со мной заодно! Знай и ты, что значит пропоститься долгий летний день, раз ты у Тевье в лошадях состоишь!

Кругом тишина. Каждый щелчок бича гулом отдается в лесу. Солнце садится, день угасает. Тени от деревьев вытягиваются до бесконечности. Темнеет. Тоскливо становится. В голову лезут разные думы, образы давно умерших людей встают перед глазами. О доме вспомнишь, – горе горькое! Дома мрак, уныние, ребятишки, будь они здоровы, раздетые, разутые, ждут не дождутся отца-добытчика, не привезет ли каравай свежего хлеба, а то и булку! А она, старуха моя, – известное дело, женщина! – ворчит: «Детей ему нарожала, да еще семерых! Хоть возьми, прости господи, и утопи их живыми в речке!» Каково такие речи слушать!

А ведь мы всего только люди, плоть да кровь. Разговорами сыт не будешь. Поешь селедки, – чаю захочется, а к чаю сахар требуется, а сахар, говорите вы, у Бродского…

– За кусок хлеба, что не доела, – говорит моя жена, – утроба не взыщет. Но без стакана чаю утром я не жилица на белом свете: ребенок за ночь все соки из меня высасывает!

Однако и о том, что ты еврей, забывать нельзя: солнце на закате… Молитва хоть и не коза, никуда не убежит, а помолиться все-таки пора… Правда, какая уж там молитва! Можете себе представить: как раз, когда положено стоять неподвижно, лошаденка, точно назло, срывается с места и несется как шальная… Вот и бежишь за тележкой, натягивая вожжи, и припеваешь: «Господь Авраама, господь Исаака, господь Иакова…» Хороша молитва, нечего сказать! А помолиться, как нарочно, хочется горячо, с огнем, – авось на душе

полегчает…

Короче говоря, бегу это я за возом и читаю нараспев, совсем, как в синагоге (не будь рядом помянута!): «Питающий все живущее от щедрот своих!» То есть кормящий всякое свое творение… «Выполняющий обет свой перед покоящимся во прахе…» То есть даже перед теми, кому и жизнь – сырая могила…

«Эх, думаю, жизнь наша – могила глубокая! Ну и маемся же мы на свете! Не то, что егупецкие богачи, которые целое лето на дачах в Бойберике проводят, пьют, едят, как сыр в масле катаются! Эх, господи владыко небесный! И за какие грехи мне все это? Не такой я, что ли, как все другие? „Воззри на нашу бедность!“ Посмотри, мол, на наши муки, погляди, как мы трудимся, и заступись за нас, бедняков, потому что больше за нас заступиться некому! „Исцели нас да будем исцелены“. Пошли нам исцеление, а болячек нам не занимать стать. „Благослови нас…“ Пошли нам добрый год, чтобы хлеба уродились – и рожь и пшеница, и ячмень… Хотя, с другой стороны, какая мне, горемычному, от этого польза? Не все ли равно, скажем, моей лошаденке, дорог овес или дешев?

Однако не нам судить о деяниях всевышнего. А еврей и подавно должен все принимать безропотно и повторять: „И то благо!“ Так, видно, богу угодно! А кощунствующие, – продолжаю я, – „ристократы“, которые говорят, что нет на свете бога, будут посрамлены, когда явятся туда… Поплатятся с лихвой, ибо он, „сокрушающий врагов“, – воздаст им сторицею! С ним шутки плохи, с ним ладить надо, упрашивать, умолять: „Отец всемилостивый! Внемли гласу нашему!“ услышь наши вопли! „Обрати милосердие твое к нам! – пожалей жену мою и деток, – они, бедные, голодны. Почти за благо, – смилостивься над возлюбленным народом твоим, как некогда в священном храме, когда священнослужитель и левиты…“ И вдруг – стоп! Лошаденка остановилась. Я мигом отхватил оставшуюся часть молитвы, поднял глаза и вижу: выходят мне навстречу из чащи два каких-то странных существа, одетые будто бы не по-людски… „Разбойники!“ – мелькнуло у меня в голове. Однако я тут же спохватился: „Фу, Тевье, дурачина ты эдакий! Столько лет подряд ездишь по лесу и днем и ночью – что это тебе разбойники вдруг померещились?“»

– Вью! – крикнул я лошаденке, набрался духу и хлестнул ее еще несколько раз, будто ничего не замечая.

– Уважаемый! Послушайте, дяденька! – обращается ко мне одно из этих существ женским голосом и машет мне платком. – А ну-ка, остановитесь на минутку,

погодите удирать, ничего худого мы вам не сделаем!

«Ага! Нечистая сила! – подумал я, но тут же говорю себе: – Дурья голова! Откуда вдруг ни с того ни с сего духи и черти?» Остановил лошаденку. Присмотрелся получше – женщины. Одна пожилая, в шелковом платке на голове, другая помоложе – в парике. Обе раскраснелись и вспотели.

– Добрый вечер! Вот так встреча! – говорю я громко и даже как будто бы с радостью. – Чего изволите? Если купить что-нибудь, то у меня ничего нет, разве что колики в животе да сердечные боли на неделю вперед, есть еще и хлопоты, и заботы, и всякая морока, и горести всухомятку, беды и напасти – оптом и в розницу!

– Тише! Погодите! – отвечают они. – Скажи, пожалуйста, как его прорвало! Извозчика чуть словом задень, – жизни рад не будешь! Ничего, – говорят, – нам покупать не надо, мы только хотели вас спросить, не знаете ли вы, где здесь дорога на Бойберик?

– На Бойберик? – переспросил я с напускным смешком. – Для меня это все равно, как если бы вы спросили, к примеру, знаю ли я, что меня зовут Тевье.

– Вот как! – говорят они. – Вас зовут Тевье? Добрый вечер, реб Тевье! Нам не совсем понятно, что тут смешного? Мы не здешние, мы из Егупца и живем в Бойберике на даче. Вышли на минутку погулять и кружим в этом лесу чуть ли не с самого утра… Бродим, плутаем и никак не можем попасть на дорогу. А тут мы услыхали, – кто-то поет в лесу. Поначалу подумали, – а вдруг упаси бог, разбойник! Но когда увидели вблизи, что вы еврей, стало легче на душе. Понимаете?

– Ха-ха! Хорош разбойник! – отвечаю я. – Слыхали вы когда-нибудь историю о еврейском разбойнике, который напал на прохожего и потребовал от него понюшку табаку? Хотите, – могу рассказать…

– Историю, – говорят они, – оставим до другого раза. Вы лучше укажите нам дорогу на Бойберик.

– На Бойберик? Позвольте! Но ведь это и есть самая настоящая дорога на Бойберик! Если вы даже не хотите, вы все равно по этой дороге обязательно

придете прямо в Бойберик!

– Так чего же вы молчите?

– А чего, – говорю, – мне кричать?

– В таком случае, – говорят они, – вы, наверное, знаете, далеко ли до Бойберика?

– До Бойберика, – отвечаю, – недалеко, несколько верст. То есть верст пять-шесть или семь, а может, и все восемь.

– Восемь верст! – вскричали женщины в один голос и, заломив руки, чуть не расплакались. – Помилуйте! Что вы говорите? Понимаете ли вы, что говорите? Шутка ли – восемь верст!

– Что же, – отвечаю, – я могу поделать? Если бы от меня зависело, я бы, пожалуй, подсократил это расстояние. Человек должен все на свете испытать. В пути и не то бывает… Случается иной раз тащиться по грязи в гору, да еще в канун субботы, дождь хлещет в лицо, руки коченеют, есть хочется до полусмерти, а тут вдруг – трах! – ось лопнула…

– Болтаете вы что-то непутевое! – говорят они. – Вы не в своем уме, право! Что вы нам рассказываете басни, сказки из «Тысячи и одной ночи»? Мы уже не в силах на ногах держаться. За весь день, кроме стакана кофе с плюшкой, у нас маковой росинки во рту не было, а вы нам всякие истории рассказываете!

– Ну, это другое дело! – отвечаю. – Плохи пляски да шутки, когда пусто в желудке. Что такое голод, я знаю хорошо, – можете мне не рассказывать. Возможно, что кофе с плюшками я в глаза не видал вот уже лет…

И представляется мне тут стакан горячего кофе с молоком и свежей булкой и другие вкусные вещи…

«Скажите на милость! Чего захотел… – думаю я. – Какое деликатное воспитание: кофе с булочками… А ломоть хлеба с селедкой – хвор?» Но сатана, будь он неладен, как назло, не унимается: слышу запах кофе, чувствую вкус сдобной булки – свежей, хрустящей – объедение!..

– Знаете что, реб Тевье? – обращаются ко мне женщины. – Чем здесь стоять, не лучше ли нам забраться к вам в телегу, а вы бы потрудились отвезти нас домой, в Бойберик. Что вы на это скажете?

– Вот те и здравствуй! – говорю я. – Я из Бойберика еду, а вам надо в Бойберик! Как же это выйдет?

– Ну и что же? – отвечают они. – Не знаете, что делать? Человек, да еще ученый, находит выход: поворачивает оглобли и едет обратно. Не беспокойтесь, реб Тевье, будьте уверены, – если вы нас благополучно доставите домой, то дай нам бог столько прохворать, сколько вы на этом деле потеряете…

«Говорят они со мной чего-то на тарабарском языке! – подумал я. – Все какими-то обиняками!» И приходят на ум мертвецы, ведьмы, шуты, нечистая сила. «Дурень набитый! – думаю. – Чего ты стоишь как пень? Полезай на облучок, пугни конягу кнутом и – пошел, куда глаза глядят!» Но, как на грех, у меня против воли срывается:

– Полезайте в телегу!

А те, как услышали, – не заставили себя долго упрашивать… Я следом за ними – на облучок, повернул дышло и стал нахлестывать лошаденку: «Раз, два, три – пошел!» Да где там! Как бы не так! С места не трогается, хоть режь ее. «Ну, думаю, теперь ясно, что это за женщины такие! И дернула же меня нелегкая остановиться ни с того ни с сего посреди дороги и завести разговор с женщинами!..»

Понимаете? Кругом лес, тишина, ночь надвигается, а тут – два каких-то существа в образе женщин… Разыгралась у меня фантазия не на шутку! Вспомнилась история об извозчике, который однажды ехал один-одинешенек лесом и увидел на дороге мешок с овсом. Извозчик не поленился, слез, схватил мешок на плечи, – чуть не надорвался, кое-как взвалил его на телегу, и марш вперед. Отъехал с версту, хватился мешка, а его и нет! Ни тебе овса, ни мешка! На возу лежит коза с бородкой. Извозчик хочет дотронуться до нее рукой, а она ему язык с аршин как высунет, как расхохочется – и нет ее!

– Почему же вы не едете? – спрашивают мои пассажирки.

– Почему не еду? Сами, – говорю, – видите, почему: конь танцевать отказывается, охоты нет.

– А вы его, – говорят они, – кнутом! Ведь у вас кнут есть.

– Спасибо, – отвечаю, – за совет! Хорошо, что напомнили. Беда только в том, что мой молодец таких вещей не боится. С кнутом он уже свыкся, как я с нищетой…

Шучу понимаете, а самого лихоманка трясет. Словом, что тут долго рассказывать, – выместил я на несчастной моей лошаденке все, что накопилось на душе. В конце концов господь помог, лошадка снялась с места, и мы отбыли поехали лесом, своим путем-дорогою.

Еду, а в голове новая мысль проносится: «Эх, Тевье, и осел же ты! Как началось твое падение, как был ты нищим, так нищим и останешься. Подумай, такая встреча, ведь это раз в сто лет случается, – как же ты не сторговался с самого начала, чтобы знать, „что почем“, сколько ты получишь? Ведь, как ни суди, – по совести ли, по человечности ли, по закону или почему бы то ни было, – а заработать на таком деле, право же, не грех. Да и почему не поживиться, раз так случилось? Останови лошадку, осел ты эдакий, и скажи им – так, мол, и так, без церемоний: „Дадите столько-то, – ладно, а не дадите, – тогда, прошу прощения, извольте слезть с телеги!“ Но, с другой стороны, думаю, ты и в самом деле осел, Тевье! Не знаешь разве, что медвежью шкуру в лесу не продают? Как наши крестьяне говорят: „Ще не поймав, а вже скубе…“»

– Почему бы вам не ехать побыстрее? – говорят мои пассажирки, тормоша меня сзади.

– А куда вам так торопиться? Тише едешь, дальше будешь, – отвечаю я и поглядываю на них искоса.

Как будто бы ничего… Женщины как женщины: одна в шелковом платке, другая в парике. Сидят, смотрят друг на дружку и перешептываются.

– Далеко еще? – спрашивают они.

– Да уж не ближе, чем от этого места! – отвечаю я. – Вот сейчас поедем с горы, а потом в гору; затем – снова спуск и снова подъем и лишь потом будет большой подъем, а уж оттуда дорога пойдет прямо-прямехонько до самого Бойберика…

– Ну и извозчик! – обращается одна к другой.

– Бесконечное лихо! – говорит другая.

– Еще недоставало! – говорит первая.

– Вроде придурковатый!..

«Конечно, думаю, придурковатый, раз позволяю себя за нос водить!»

– А где, к примеру, – спрашиваю я, – где, милые женщины, прикажете вас скинуть?

– Что значит, – говорят, – «скинуть»? Что за скидывание такое?

– Это на извозчичьем языке так говорится, – объясняю я. – На нашем наречии это означает: куда доставить вас, когда, бог даст, приедем в Бойберик и, по милости всевышнего, будем живы и здоровы! Как говорится: лучше дважды спросить, чем один раз напутать.

– Ах, вот оно что! Вы, – говорят они, – будьте добры довезти нас до зеленой дачи, что у реки, по ту сторону леса. Знаете, где это?

– Почему же, – говорю, – мне не знать? В Бойберике я как у себя дома. Было бы у меня столько тысяч, сколько бревен я туда доставил. Вот только прошлым летом я привез на зеленую дачу две сажени дров сразу. Дачу снимал какой-то богач из Егупца, миллионщик, – у него, наверное, сто, а может быть, и все двести тысяч!

– Он и сейчас ее снимает, – отвечают обе женщины, а сами переглядываются и шепчутся, чему-то усмехаясь.

– Позвольте, – говорю я, – уж ежели стряслась такая история, то, может статься, что вы к этому богачу имеете кое-какое касательство… А если так, то, может быть, вы будете добры замолвить за меня словечко, похлопотать?
Не найдется ли, чего доброго, для меня дело какое-нибудь, должность, мало ли что? Вот я знаю одного молодого человека, неподалеку от нашего местечка, звать его Исроел… Был никудышный парень. Однако пробился каким-то путем к богачу, а сейчас он важная шишка, зарабатывает чуть ли не двадцать рублей в неделю, а может быть, и сорок!.. Кто его знает? Везет людям!.. Или вот, скажем, чего не хватает зятю нашего резника? Что было бы с ним, если бы он не уехал в Егупец? Правда, вначале он немало горя хлебнул, несколько лет мучился, чуть с голоду не помер. Зато сейчас – дай бог мне не хуже – домой деньги присылает. Он даже хотел бы взять туда жену и детей, да беда в том, что им там жить не разрешается. Спрашивается, как же сам он там живет? Очень просто – мучается… Однако, – говорю, – погодите-ка! Всему конец приходит: вот вам река, а вот и большая дача…

И лихо подкатил – дышлом в самое крыльцо. Увидели нас – и пошло тут веселье, крики, возгласы: «Ой, бабушка! Мама! Тетя! Отыскалась пропажа! Поздравляем! Боже мой, где вы были? Мы здесь голову потеряли… Разослали на поиски по всем дорогам… Думали – мало ли что? Волки… Разбойники, упаси боже… Что случилось?»

– Случилась интересная история: заблудились в лесу, ушли бог весть куда, верст за десять… Вдруг – человек… Что за человек? Да так, какой-то горемыка с лошадкой… С трудом упросили его…

– Фу ты господи, страсти какие! Одни, без провожатого! Скажите на милость! Бога благодарить надо…

В общем, вынесли на веранду лампы, накрыли на стол и качали таскать горячие самовары, чай на подносах, сахар, варенье, яичницы, сдобные булочки, свежие, пахучие, потом блюда всякие – бульоны жирные, жаркое, гусятину, наилучшие вина, настойки… Стою это я в сторонке и смотрю, как едят и пьют егупецкие богачи, сохрани их господи от дурного глаза! «Последнюю рубаху заложить, – подумал я, – только бы богачом быть!» Верите ли, мне кажется, того, что здесь со стола на пол падает, хватило бы моим детям на всю неделю, до субботы. Господи боже милосердый! Ведь ты же великий, всемилостивый и справедливый! Какой же это порядок, что одному ты даешь все, а другому – ничего? Одному – сдобные булочки, а другому – казни египетские! Однако,

с другой стороны, – думаю я, – ты все-таки очень глуп, Тевье!

Что это значит? Ты берешься указывать богу, как миром управлять? Уж если ему так угодно, значит, так и быть должно. Потому что если бы должно было быть иначе, то и было бы иначе. А на вопрос, почему бы и в самом деле не быть по-иному, есть один только ответ: «„Рабами были мы“ – ничего не попишешь! На то мы и евреи на белом свете. А еврей должен жить верой и надеждой: верить в бога и надеяться на то, что со временем, если будет на то воля божья, все переменится к лучшему…»

– Позвольте, а где же этот человек? – спросил кто-то. – Уже уехал, чудак эдакий?

– Упаси боже! – отозвался я. – Как же это я уеду, не попрощавшись? Здравствуйте, добрый вечер! Благослови господь сидящих за столом! Приятного вам аппетита! Кушайте на здоровье!

– Подите-ка сюда, – говорят они мне. – Чего вы там стоите в темноте? Давайте хоть посмотрим, какой вы из себя! Может быть, рюмочку водки выпьете?

– Рюмочку водки? С удовольствием! – отвечаю. – Кто же отказывается от рюмочки! Как в писании сказано: «Кому за здравие, а кому за упокой». А толковать это следует так: вино – вином, а бог своим чередом… Лехаим! говорю и опрокидываю рюмку. – Дай вам бог всегда быть богатыми и счастливыми! И чтобы евреи оставались евреями. И пусть господь бог даст им здоровья и силы переносить все беды и горести!

– Как вас звать? – обращается ко мне сам хозяин, благообразный такой человек в ермолке. – Откуда будете? Где место вашего жительства? Чем изволите заниматься? Женаты? А дети у вас есть? Много ли?

– Дети? – отвечаю. – Грех жаловаться. Если каждое дитя, как уверяет меня моя Голда, миллиона стоит, то я богаче любого богача в Егупце. Беда только, что нищета – богатству не чета, а кривой прямому не сродни… Как в писании сказано: «Отделяющий праздник от будних дней», – у кого денежки, тому и жить веселей. Да вот деньги-то у Бродского, а у меня – дочери. А дочери, знаете, большая утеха, – с ними не до смеха! Но – ничего! Все мы под богом ходим, то есть он сидит себе наверху, а мы мучаемся внизу. Трудимся, бревна таскаем, что ж поделаешь? Как в наших священных книгах говорится: «На безрыбье и рак

рыба…» Главная беда – это еда! Моя бабушка, царство ей небесное, говаривала: «Кабы утроба есть не просила, голова бы в золоте ходила…» Уж вы меня простите, если лишнее сболтнул… Нет ничего прямее кривой лестницы и ничего тупее острого словца, особливо, когда хватишь рюмочку на пустой желудок…

– Дайте человеку покушать! – сказал богач. И сразу же на столе появилось чего хочешь, того просишь: рыба, мясо, жаркое, курятина, пупочки, печенка…

– Закусите чего-нибудь? – спрашивают меня. – Мойте руки.

– Больного, – отвечаю, – спрашивают, а здоровому дают. Однако благодарю вас! Рюмку водки – это еще куда ни шло, но усесться за стол и пировать в то время, как там, дома, жена и дети, дай им бог здоровья. Уж если будет на то ваша добрая воля…

Словом, очевидно поняли, на что я намекаю, и стали таскать в мою телегу кто булку, кто рыбу, кто жареное мясо, кто курятину, кто чай и сахар, кто горшок смальца, кто банку варенья…

– Это, – говорят они, – вы отвезете домой в подарок жене и детям. А сейчас разрешите узнать, сколько прикажете заплатить вам за труды?

– Помилуйте, – отвечаю, – что значит я прикажу? Уж это как ваша добрая воля… Поладим авось… Как это говорится, – червонцем меньше, червонцем больше… Нищий беднее не станет…

– Нет! – не соглашаются они. – Мы хотим от вас самих услышать, реб Тевье! Не бойтесь! Вам за это, упаси господи, головы не снимут.

«Как быть? – думаю. – Скверно: сказать целковый, – обидно, а вдруг можно два получить. Сказать два, – боязно: посмотрят, как на сумасшедшего, за что тут два рубля?»

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Пятидесятница – еврейский религиозный праздник – пятидесятый день со второго дня Пасхи.

Купить: https://tellnovel.com/sholom-aleyhem_sholom-aleyhem/tev-e-molochnik

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити